

5. Марион Ж. Л. Идол и дистанция. М. : Издание Института философии, теологии и истории св. Фомы. 2009. 292 с.
6. Нанси Ж. Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов. 2004. 272 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / перевод с нем. В. В. Бибихина. СПб. : Наука. 2006. 451с.
8. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Издательство «Водолей». 1998. 384 с.
9. Флоренский П. У водоразделов мысли. Париж : Символ. 1992. №28. С. 123–217.

Бакеева Е. В.

СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТВОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИИ СОБЫТИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о смысле оппозиции «сущность-существование» в рамках проблематики современной онтологии события. Последняя трактуется в статье как многообразие попыток осуществления-осмысления бытия. В контексте данной трактовки сущность и существование интерпретируются не как противостоящие друг другу «вневременное основание» и фактичность реализации последнего, но как моменты единого события бытия.

Ключевые слова: бытие, событие, смысл, сущность, существование, онтология, метафизика.

Говоря об «онтологии события», приходится начинать с обоснования правомерности самого данного концепта. Эта задача обусловлена тем обстоятельством, что перенос исследовательского внимания ведущих представителей философии XX–XXI столетий с «бытия» на «событие» зачастую связан с проблематизацией самой онтологии как философского учения о бытии. Постановка под вопрос самой возможности онтологического мышления осуществляется уже М. Хайдеггером, по крайней мере, в поздний период его творчества. В программном докладе «Время и бытие» (в котором, собственно, и осуществляется окончательная легитимация концепта «событие», das Ereignis, в качестве элемента философского языка) немецкий мыслитель называет главную причину этих сомнений в возможности построения какого бы то ни было учения о событии. Эта причина заключается в принципиальном несоответствии события «представляюще-обосновывающему мышлению» и «повествовательным предложениям» [6, с. 99–100]. Событие невозможно присвоить и, соответственно, объективировать в каком бы то ни было «учении» по одной простой причине: оно и «есть» то, что присваивает самого мыслящего в его попытке выхода к истоку и основанию собственного бытия. Немецкое слово «Ereignis» в этом отношении оказывается более емким, нежели русское слово «событие», непосредственно указывая на этот парадокс: всякое усилие в направлении «освоения» события непременно оборачивается признанием того обстоятельства, что сам мыслящий всегда уже принадлежит событию. Эта проблематизация онтологии усиливается и заостряется во многих опытах современной философии, предпринимаемых в контексте задачи преодоления метафизики как «онто-теологии».

Очевидно, что вышеупомянутые (так же, как и многие другие) аргументы в пользу тезиса о «конце онтологии» не могут быть оставлены без внимания, но требуют выбора одного из двух возможных путей: отказа от самой идеи онтологии как сугубо «метафизического предприятия» либо пересмотра смысла данного понятия. В этом втором случае онтология оказывается не мышлением о бытии, но способом осмысляющего бытия, «впускающего в событие» [6, с. 99]. Онтология как способ осмысляющего бытия, таким образом, соединяет в себе оба смысла, связанные с «метафизической онтологией». Последняя всегда предполагает, с одной стороны, некую самосушную «онтологическую реальность» и, с другой стороны, ее адекватное осмысление и описание. Онтология, понятая как способ бытия, оформляет реальность в самом акте ее осмысления. Концепт «событие» играет в рамках этой (нередко обозначаемой как «постметафизическая») онтологии ключевую роль. Во-первых, он отсылает мыслящего к его конечности, не позволяющей «субъекту» освоить или присвоить собственный исток (собственно, именно поэтому слово «субъект» здесь и оказывается необходимым взять в кавычки). Во-вторых, данный концепт одновременно указывает и на связь мыслящего с бесконечным и неисчерпаемым истоком бытия, на его всегда-уже-включенность в бытие. Таким образом, само слово «событие», включенное в онтологический дискурс, предельно наглядным образом демонстрирует тот фундаментальный парадокс, который находится в фокусе внимания современной философии и который можно было бы определить как парадокс «отсутствующего присутствия». Отдавая себе отчет в неосуществимости своего стремления овладеть собственным началом (присвоить его в акте объективирующего познания), мыслящий продолжает свои попытки возвращения к началу – уже не в формате теории (незаинтересованного созерцания, описывающего некую данность), но в формате практики, опережающей всякую теорию. Именно в силу опережающего характера этой практики (которую и можно назвать онтологией события) само мышление – как попытка артикуляции того, что не явлено, но является – оказывается решающим условием осуществления бытия. Таким образом, онтологию события (в рамках данной трактовки) можно определить как многообразие попыток ответа на зов бытия. Каждый из этих ответов характеризуется целостностью и полнотой, и в то же время ни один из них не может претендовать на исключительность – именно

в силу невозможности полной объективации события. Поэтому онтология события неизбежно предполагает множественность способов осуществления-осмысления бытия, исключая какую бы то ни было возможность создания единственно верного и, соответственно, универсального «учения о бытии».

В данной ситуации сама постановка вопроса о статусе сущности и ее отношении к существованию представляется и невозможной, и ненужной, бессмысленной. Сущность и существование действительно нередко трактуются в современной философии как понятия, целиком принадлежащие метафизическому дискурсу, и, следовательно, непригодные для обсуждения «событийной» проблематики. Весьма показательным является то обстоятельство, что попытка Ж.-П. Сартра «вывернуть наизнанку» традиционное отношение сущности (как некоего санкционированного высшей онтологической инстанцией смысла вещей и явлений) и существования (как всего лишь индивидуализированной и конкретизированной сущности) встретила достаточно резкую отповедь у М. Хайдеггера. Комментируя положение, предложенное Сартром как характеризующее основной посыл экзистенциализма («существование предшествует сущности»), автор «Письма о гуманизме» констатирует: «<...> перевернутый метафизический тезис остается метафизическим тезисом» [7, с. 278]. Онтология события предполагает проблематизацию самого различия сущности и существования, постановку вопроса о возможности такого различия. Хайдеггер усматривает эту возможность в забвении бытия, которым отмечена вся история европейской метафизики. Допуская некий определенный, «ставший» смысл того или иного сущего и противопоставляя этот смысл существованию этого сущего, его фактичности, мы всякий раз уже упускаем из вида тот бытийный исток, применительно к которому оппозиция сущности и существования лишается всякого смысла. В «просвете бытия» еще нет никаких оппозиций по той простой причине, что «там» нет никакой определенности, «ставшести». «Оттуда» исходит зов, отмеченный принципиальной новизной, и требующий столь же нового (то есть не ангажированного той или иной метафизикой) ответа. Именно поэтому любой разговор о сущности чего бы то ни было, ведущийся вне исторического (событийного) измерения, оказывается абстрактным и, в конечном счете, лишенным смысла.

Этот пафос разоблачения всех и всяческих сущностей, как известно, достигает своих предельных значений в трудах представителей постструктуралистской философии. Так, представляя историю метафизики как череду попыток замещения отсутствующего центра, Жак Деррида перечисляет имена этих, традиционных для метафизики, заместителей, среди которых почетное место занимают понятия сущности и существования [4, с. 447]. Именно признание того обстоятельства, что «центр – это не центр» [4, с. 446], парадоксальным образом играющее центральную роль в постструктуралистской парадигме, разоблачает и сущность, и существование как философских самозванцев, маскирующих отсутствие онтологического основания. Одной из возможных альтернатив этой метафизической стратегии может выступить сочувственно описываемая Ж. Деррида «стратегия утверждения суверенности» Ж. Батая, нацеленная на «безрассудную растрату» и выступающая «против жадности, копящей смысл» [3, с. 419]. Батаевская «суверенность» действительно лишена всякой сущности, а значит – и существования как некоего конкретного, но устойчивого пребывания в определенных границах.

Несколько иной ракурс переосмысления сущности и существования открывается в онтологии события Ж. Делеза. И сущность, и существование в их неизбежном противостоянии друг другу и то же время в их взаимной предположенности принадлежат, согласно Делезу, «метафизической поверхности», выступающей моментом и эффектом События. Признание этого обстоятельства требует иной, «динамической» трактовки сущности: необходимо понимать «<...> сущность как смысл, сущность как выраженное <...>» [2, с. 52]. Понятая таким образом, сущность неотделима от своего выражения и парадоксальным образом именно в силу этого в конечном счете – невыразима. Отождествляя сущность с событием или смыслом (что в контексте «Логики смысла – одно и то же), Делез задается риторическим вопросом: «Не перевешивает ли тогда статус чистого события с присущей ему фатальностью все эти оппозиции: ни частное, ни публичное; ни коллективное, ни индивидуальное... не является ли смысл более устрашающим и всемогущим в такой нейтральности – всемогущим в той мере, в какой он является всеми этими вещами сразу?» [2, с. 53].

Нетрудно заметить, что положительный ответ на этот вопрос неминуемо приводит к утверждению вторичности, производности всех этих оппозиций, в том числе и оппозиции «сущность-существование», то есть – к отрицанию их фундаментального онтологического статуса. Справедливости ради следует признать, что наиболее значительные представители постструктурализма и – шире – «постметафизического движения» в современной онтологии не повинны в тех радикальных «нигилистических» выводах, которые делают их не очень вдумчивыми последователями. Решая свою основную задачу (проблематизации самого феномена бытия как присутствия), и Деррида, и Делез, и ряд других современных «классиков» мыслят вполне последовательно, в рамках осуществления одной из возможных («бесконечно-возможных», если воспользоваться выражением В. С. Библера) вариаций осмысления бытия как события. Сама принципиальная множественность и вариативность этого осмысления, если не открыто постулируемая, то подразумеваемая данной позицией, предохраняет от ее «дурной» радикализации. Так, к примеру, утверждая в «Логике смысла» производный характер сущности как некоего инварианта конкретно существующей вещи или явления, Ж. Делез одновременно отказывается мыслить в рамках следующей альтернативы, навязываемой, по его

мнению, метафизикой и трансцендентальной философией: «<...> либо недифференцированное основание, безосновность, бесформенное небытие, бездна без различий и свойств, либо в высшей степени индивидуализированное Бытие и чрезвычайно персонализированная форма. Без этого Бытия и этой формы нас ждет только хаос...» [2, с. 143–144]. Направляя внимание на «среду становления», в которой и формируются устойчивые сущности, «Логика смысла» не столько утверждает «безосновность», сколько выявляет и осмысляет событийную «природу» всякого основания.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, данная позиция чревата опасностью растворения в хаосе и отказа от всех и всяческих определенностей, обеспечиваемых в рамках метафизического дискурса оппозицией сущности и существования. Эта опасность реализуется всякий раз, когда от утверждения о производном характере любого смысла (и, соответственно, сущности) делается шаг к отрицанию его онтологической реальности (действенности). В этом отношении действительно можно говорить об определенном разрушительном воздействии «постметафизической» мысли на современную культуру и сознание среднестатистического представителя современной глобальной цивилизации. Взятая вне своего сложного событийного контекста, мысль о производном характере всякой сущности действительно может привести человека к выводу о необязательности каких бы то ни было ограничений как в отношении собственного существования, так и в отношении существования любой вещи – в предельно широком смысле слова.

Важно отметить, что речь в данном случае идет отнюдь не об этической сомнительности определенных онтологических положений, но об опасности ложного толкования этих положений. Именно онтологическое искажение мысли и действия оборачивается в конечном счете неразрешимыми этическими проблемами. В качестве примера достаточно вспомнить одну из примет современной жизни, связанную с максимальной необходимостью признания социального, этнического, гендерного разнообразия современного общества. Так, требование неуклонного включения женщин в руководство крупными корпорациями или определение «квот» на участие в значимых медиа-событиях представителей различных этнических групп может рассматриваться как реализация благого принципа социальной справедливости. Вместе с тем более или менее углубленный анализ подобных практик обнаруживает их оборотную сторону, связанную с игнорированием собственно человеческой значимости всех тех «представителей инаковости», которым в рамках идеологии разнообразия требуется предоставить определенные гарантии признания. Само же это игнорирование выступает следствием того обстоятельства, что те самые группы, которым требуется гарантировать признание, рассматриваются без учета их онтологического измерения. Иными словами, сам факт принадлежности человека к той или иной группе принимается как первая и последняя данность, характеризующая – в данном случае – социальную реальность. Это нерелективное принятие данности неизбежно приводит к гипостазированию сущности, в случае с нашим примером – сущности мужского или женского, русского или китайского и т.п. Любое сущее, рассматриваемое вне своего онтологического истока, и, соответственно, без какой-либо попытки осмысления этого сущего, неизбежно «обрастает» всевозможными предрассудками, чреватými абсурдом. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: благое намерение утвердить разнообразие сущего, вдохновленное пафосом «преодоления метафизики», оборачивается не просто возвращением власти метафизики, но утверждением власти метафизических предрассудков.

Эта метаморфоза может быть истолкована как своего рода «защитная реакция» сознания, потерявшего все и всяческие ориентиры вследствие проблематизации сущности как бытийного основания определенности сущего. В данной ситуации единственной альтернативой хаосу и бессмыслице действительно оказывается насильственное и нерелективное утверждение того или иного «миропорядка», не просто реабилитирующего «разоблаченные» было сущности, но «увечивающего» их. Данный пример в очередной раз демонстрирует старую истину: любая попытка полного отказа от насилия оборачивается худшим насилием.

Однако – отметим это еще раз – между признанием производного характера сущности, характерным для онтологии события, и вышеописанным возвращением дурно понятой метафизики в виде всевозможных предрассудков и идеологией нет прямой причинно-следственной связи. В связи с этим обстоятельством исключительно важной задачей представляется обозначение того ракурса, в котором сущность и существование могут быть осмыслены в онтологическом ключе, в то же время избегая метафизической догматизации. Представляется, что данный ракурс связан с признанием следующих ключевых моментов.

1. Сущность и существование, теряя свой статус, с одной стороны, вечного и неизменного основания любого сущего, а с другой – фактичности этого сущего, должны мыслиться как два «полюса» конкретного события бытия. Данная возможность намечена в том числе и в онтологии Ж. Делеза, в частности – в его «Логике смысла», одновременно отождествляющей и различающей событие и смысл: «Событие соотносится с состоянием вещей, но лишь как логический атрибут, полностью отличный от их физических качеств, – хотя оно случается, воплощается и осуществляется в них. Смысл – то же самое, что и событие, но только на сей раз он связан с предложениями. И он связан с предложениями как выразимое или выраженное в них, полностью отличное от того, что предложения сигнифицируют, манифестируют или десигнируют» [2, с. 219–220]. Событие здесь отсылает к неуловимому моменту, который и делает «состояние вещей» (то, что на языке традиционной метафизики можно было бы назвать «существованием» именно таким, а не иным, а смысл – к

тому же самому неуловимому моменту, но в аспекте его выражения (принципиально не совпадающего со своим результатом). Однако, несмотря на всю неуловимость этого момента, позволяющего говорить о себе почти исключительно посредством негативных высказываний, оно все-таки обладает минимумом определенности, что и позволяет говорить о сущности и существовании, точнее – об оформлении и осуществлении сущности в акте выражения. Понятно, что сущность здесь никоим образом не предшествует существованию, однако, вопреки Сартру, нельзя утверждать и обратного. В событии смысла сущность и существование одновременно разделены и соединены «бестелесной границей». Иными словами, то, что осуществляется, оформляется в акте самого осуществления. Этот минимум определенности характеризует каждое событие как выражение одного (единственного) События, именуемого в «Логике смысла» чистым событием. Эта связь конкретных (можно назвать их локальными) событий в чистом событии, точнее – пронизанность их чистым событием, требует указания на другой ключевой момент, характеризующий отношение «сущность-существование» в онтологии события.

2. Оформление-осуществление определенностей (сущностей) в конкретных событиях смысла в отсутствие предзаданных (вечных и неизменных) сущностей предполагает трактовку каждого локального события как герменевтического предприятия. Каждое событие оказывается интерпретацией всех остальных событий, выступая всегда новой вариацией «того же самого». Эта неизбежная вариативность смысла в отсутствие «метафизического основания» отчетливо артикулируется Ж.-Л. Нанси: «Смысл – это когда сказанное мною не является просто “сказанным”, но, чтобы быть сказанным, воистину, должно вернуться ко мне сказанным повторно. Но возвращаясь ко мне от другого, оно становится иным источником смысла» [5, с. 136]. Событие смысла есть осуществление-осмысление бытия, разворачивающееся на фоне или в присутствии иных событий, в буквальном смысле слова со-общающееся с иными событиями. Признание этого обстоятельства позволяет выделить третий момент, связанный с событийным осмыслением сущности и существования.

3. Подобная – событийная – трактовка сущности и существования налагает категорический запрет на гипостазирование определенного смысла, и, как следствие, на все и всяческие стратегии, всегда и неизбежно опирающиеся на этот гипостазированный смысл. В этом отношении стратегии освобождения (к примеру, борьба за эмансипацию тех или иных социальных групп) выступают «изнанкой» стратегий порабощения, коль скоро опираются на онтологическую установку утверждения смысла, «закрепленного» за определенными сущностями. Данная установка, охарактеризованная М. М. Бахтиным как «роковой теоретизм», всегда чревата потерей смысла – именно в силу того, что последний отрывается от своего событийного истока и выступает в связанном виде, что делает безнадежными «<...> все попытки ориентировать первую философию, философию единого и единственного бытия-события на содержательно-смысловой стороне, объективированном продукте, в отвлечении от единственного действительного акта-поступка и автора его, теоретически мыслящего, эстетически созерцающего, этически поступающего» [1, с. 31–32].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать сохраняющееся присутствие понятий «сущность» и «существование» в контексте онтологии события – при том обязательном условии, что и сущность, и существование трактуются как органические моменты события смысла или события бытия.

Библиографический список:

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х гг. Киев : Next. 1994. с. 10–68.
2. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академический Проект. 2011. 472 с.
3. Деррида Ж. От экономии ограниченной к экономии всеобщей. Гегельянство без утайки // Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический Проект. 2000. с. 400–444.
4. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический Проект. 2000. с. 445–466.
5. Нанси Ж.-Л. Тело, язык // Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов. 2004. С. 132–145.
6. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа. 1991. С. 80–101.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб. : Наука. 2007. С. 266–305.